

— Минну, сегодня же Великое состязание бессмертных орденов. Разве ты не пойдёшь?

— Зачем ты его зовешь?.. Он всего лишь слуга, чего ему там делать, под ногами путаться?

— Тише ты! Всё-таки он личный слуга самого Цзянь Сюэхэ.

Адепты в вышитых лунными узорами орденских одеждах то и дело косились на юношу, забившегося в самый темный угол комнаты, и шептались, испуганно притихая.

Юноша сидел смирно и тихо. Когда он шевельнулся и повернулся, из полумрака проступило лицо, столь густо покрытое уродливыми шрамами, что случайный свидетель невольно отпрянул бы.

Сколько ни смотри, привыкнуть к этому зрелищу было невозможно. Один из адептов судорожно вздохнул и, раздосадованный собственным испугом, брезгливо сплюнул:

— Какое убожество...

Схватив товарищей за рукава, он поспешил убраться прочь.

Когда шаги стихли и в комнате воцарилась тишина, Минну медленно приблизился к зеркалу. Из мутной глубины на него взглянуло чудовище.

Вся левая щека была покрыта багровыми, бугристыми рубцами. В детстве, когда в Поместье Цзян вспыхнул пожар, Цзянь Сюэхэ бросился спасать кого-то из огня, и на него рухнула пылающая балка. Сам молодой господин не пострадал, но Минну тогда несколько дней метался в лихорадке от невыносимого жара, а после на его коже проступили эти жуткие ожоги.

Если бы не шрамы, черты его лица можно было бы назвать тонкими и даже изящными. Но теперь уродливые рубцы искажали кожу, вызывая у каждого встречного лишь инстинктивное отвращение.

До его слуха долетел отдаленный гул праздничных барабанов. Сегодня был день его рождения, и Минну попытался улыбнуться своему отражению — ведь в такой день положено радоваться.

Но когда он улыбнулся, шрам на левой щеке натянулся, исказив ямочку у губ. Лицо сделалось еще более отталкивающим. Юноша тут же погасил улыбку и поджал губы.

Когда он вышел на улицу, никто не обратил на него внимания. Когда-то, в Поместье Цзян, он считался вторым молодым господином. Но стоило покинуть родные стены, как о его происхождении все забыли. Теперь для адептов ордена Фугуан он был лишь безликим слугой

при блистательном гении Цзянь Сюэхэ.

На площади перед ареной гремели праздничные гонги. Великое состязание бессмертных орденов подходило к концу: сегодня должен был состояться финальный, решающий поединок, в котором сойдется Цзянь Сюэхэ с сильнейшим соперником.

— Подходи, делай ставки! Гений меча из ордена Фугуан, Цзянь Сюэхэ, против прошлогоднего победителя из ордена Сюанье!..

— Вон тот, в алом, и есть Цзянь Сюэхэ? Наследник великого клана Цзян?

— Он самый! И единственный личный ученик владыки Цзюнь Уцзиня за последние триста лет!

Подобные речи Минну слышал сотни раз. На фоне этого баловня судьбы, сияющего подобно полной луне в безоблачном небе, сам он казался лишь горстью придорожной грязи — тусклой, невзрачной и растоптанной.

Юноша на помосте и впрямь приковывал к себе все взгляды. Свободные алые одежды полыхали яростным пламенем, подчеркивая безупречную бледность его лица. Острый разлет темных бровей, холодные фениксовые глаза под сенью густых ресниц, тонкие очертания губ и строгая линия упрямого подбородка — весь его облик дышал высокомерным величием. За спиной его покоился тяжелый черный меч. Цзянь Сюэхэ полностью оправдывал свое имя, данное в честь летящего сквозь метель журавля: чистый, неприступный, словно застывший осенний иней.

Ему было достаточно просто стоять на арене, чтобы мир вокруг блекнул, теряя краски.

Существуют люди, рожденные для величия и славы, чьих одежд никогда не должна касаться земная пыль.

Толпа вокруг шумела, адепты спешили сделать последние ставки. Сюэхэ совершенствовался с поразительной скоростью и в последнее время почти не пропускал ударов. И все же Минну не мог унять дрожь в пальцах. Он отчаянно молился, чтобы Сюэхэ не пострадал.

Потому что каждая рана его старшего брата неизбежно проявлялась на теле Минну.

Оглушительный удар барабана оборвал гомон толпы. Два клинка сошлись в ослепительной вспышке. Срезанные яростным вихрем бамбуковые листья посыпались на арену, а ледяные волны меча принесли с собой дыхание неминуемой смерти.

Минну был простым слугой, лишенным духовных сил, и не смыслил в тонкостях фехтования. Но когда его левое запястье внезапно обожгло резкой, невыносимой болью, он сразу все понял.

Прижав пальцы к руке, он ощутил, как из-под ткани заструилось что-то теплое и липкое.

Прошлогодний чемпион из ордена Сюаньэ оказался грозным противником. В схватке двух равных по силе гениев победа не давалась даром.

Уже давно Минну носил только черные одежды — на них не так были заметны следы крови, которая могла проступить на теле в любой момент.

Раны от духовной энергии меча, перенесенные на тело обычного смертного, терзали плоть в несколько раз сильнее.

Минну заставил себя стиснуть зубы. К этой боли невозможно привыкнуть, но ее можно было ожидать. Запястье словно полоснули раскаленным лезвием, аккуратно отделяя мышцы от костей. Юноша покачнулся, перед глазами на мгновение все поплыло.

Он крепче сжал раненую руку. Под плотным черным рукавом скрывались десятки старых, накладывающихся друг на друга шрамов, на которые никто никогда не обращал внимания. Если кто-то из адептов и замечал их случайно, то списывал все на последствия детского пожара.

На арене Сюэхэ даже не замедлил шаг, пропустив удар противника. Зато его соперник на долю секунды замешкался, пораженный тем, что его выпад достиг цели, но не причинил вреда. Цзянь Сюэхэ мгновенно воспользовался этой оплошностью. Воздух со свистом рассекли сгустившиеся потоки ледяной энергии, и исход поединка был решен в единое мгновение.

Чужой меч с глухим звоном покатился по деревянному настилу. Юноша в алом плаще опустил клинок. Его холодный, отрешенный взор устремился куда-то поверх ликующей толпы, к далеким вершинам гор. Ветер трепал подол его одежд, подчеркивая гордое одиночество победителя.

— Победитель — Цзянь Сюэхэ!

Этот триумф был предсказуем. Минну, баюкая раненую руку, смотрел на него из самых последних рядов. Там, в самом центре всеобщего внимания, сияющий юноша принимал поздравления, окруженный плотным кольцом восторженных адептов.

В глубине глаз Минну, скрытый от чужих взоров, теплился тихий, горький восторг, смешанный со щемящей завистью.

Минну тихо покинул площадь. Нужно было перевязать руку. Возвращаясь в свои покои, он тешил себя робкой надеждой: сегодня его день рождения, и если он попросит Сюэхэ, тот, возможно, разрешит ему на один вечер спуститься к подножию горы.

Обычно слугам его уровня строго запрещалось покидать территорию ордена.

Наложив чистый бинт на сочащуюся кровью рану, Минну подошел к дверям покоев своего господина. Сердце испуганно затрепетало. Не успел он поднять руку, чтобы постучать, как створки распахнулись, и перед ним предстал Цзянь Сюэхэ во всем своем ослепительном великолепии.

— Брат Хэ... — сорвалось с губ Минну.

Сюэхэ равнодушно скользнул по нему взглядом. Минну замер, чувствуя, как немеет язык под этим ледяным, пронзительным взором, и поспешно опустил голову.

Они почти никогда не разговаривали по-человечески. Почувствовав, что Сюэхэ смотрит на его левую щеку, изуродованную шрамами, Минну ощутил, как ожог запылал с новой силой, словно его вновь коснулся открытый огонь.

— Я бы хотел... спуститься сегодня в город, — как можно тише проговорил он.

Сюэхэ молча выслушал его, отвел взгляд и обронил:

— Правила ордена едины для всех. Нарушать границы горы запрещено.

Ровный, лишенный каких-либо эмоций голос безжалостно растоптал последнюю надежду.

Разумеется, устав запрещал слугам самовольно отлучаться, но для личных слуг именитых учеников всегда делалось исключение — достаточно было получить письменное разрешение или жетон господина. Сюэхэ просто не захотел утруждать себя этим.

— Но сегодня... — Минну попытался сказать, что у него день рождения, но слова застряли в горле.

Договорить он не успел. Из глубин коридора донесся чей-то встревоженный голос, звавший старшего брата Цзяня. Цзянь Сюэхэ даже не взглянул на слугу на прощание — его силуэт мгновенно растаял в воздухе, оставив после себя лишь легкое дуновение прохлады.

— Старший брат Цзянь, там беда!..

Минну одиноко стоял посреди пустого коридора. Сюэхэ всегда был занят великими делами ордена, и теперь, когда он ушел, вряд ли вернется до темноты.

Запястье все еще ныло. Проводив взглядом мелькнувшую в конце коридора алую фигуру,

Минну тихо вздохнул. Сжавшись, он скользнул обратно в тень и незаметно покинул жилые корпуса.

Интриги и заботы великих бессмертных его не касались. В этот день единственным человеком, который вспомнил бы о его рождении, была старая няня, оставшаяся в далеком Поместье Цзян. Но увидеть ее он не мог.

У Минну было припрятано несколько низкосортных духовных камней — крохотные сбережения, которые он собирал буквально по крупичкам. Зажав их в ладони, он направился к лавке обмена, где ученики могли приобрести сладости и припасы. Немного поколебавшись у порога, юноша отдал последние камни за простую шпажку танхулу — засахаренных плодов боярышника. В конце концов, это был его единственный подарок самому себе.

Он никогда близко не общался с другими адептами, а Сюэхэ никогда не предупреждал его, что неподалеку от лавки проходит невидимый оборонительный барьер. Лишенный духовных корней и от природы слабый здоровьем, Минну физически не мог почувствовать, что защитное поле ордена истончилось.

Лишь когда к его горлу прижалось холодное лезвие чужого меча, Минну понял, что совершил роковую ошибку. Краем глаза он уловил клубящийся за спиной призрачный черный туман. Ледяной пот прошиб его до самых костей.

Холод ужаса сковал грудь, дыхание перехватило. Юноша широко распахнул глаза, не в силах издать ни звука. При прикосновении клинка кожа на шее лопнула, и по ключицам заструилась горячая кровь.

В то же мгновение бумажные окна лавки с треском разлетелись. Внутри ворвалось несколько фигур с обнаженными мечами. Увидев впереди знакомый алый силуэт, Минну ощутил, как в душе вспыхнула отчаянная надежда.

— Старший брат Цзянь! — хрипло позвал он.

Но лезвие прижалось плотнее, заставив его замолчать. Темная дымка окутала его со всех сторон, мешая дышать. Вокруг звенела сталь — подоспевшие адепты Фугуан окружили нападавшего.

— Как ты смеешь бесчинствовать в стенах ордена Фугуан, ничтожный малефик! Опусто оружие и отпусти ученика нашего ордена!

Цзянь Сюэхэ посмотрел на заложника издали. В его глазах не отразилось ровным счетом ничего — этот взор был столь же безучастен и холоден, как сталь его клинка. Взмахнув рукой, он пустил короткую, точечную волну ци, которая развеяла сковывавший Минну черный туман.

Рухнув на пол, Минну судорожно хватал ртом воздух. Раненая шея горела, перед глазами плыли темные круги, а испуганное сердце колотилось в ребра, готовое выскочить наружу.

Вокруг кипел яростный бой: алый силуэт Сюэхэ кружил в смертельном танце с темной тварью. Минну, едва соображая от страха, скользнул взглядом по полу и заметил упавшую в пыль шпажку засахаренных ягод. Наперекор здравому смыслу, он потянулся к ней рукой — к этой единственной радости своего праздника.

Но едва его пальцы коснулись дерева, позади раздался дружный, полный ужаса крик адептов:

— Старший брат!

Внутренний голос Минну закричал об опасности. Он медленно обернулся.

У Цзянь Сюэхэ, застывшего посреди комнаты, на лбу проступила багровая печать сочувствия. Из клубящегося тумана безмолвно выскользнуло черное лезвие малефика. Сюэхэ не успел уклониться — его лицо исказилось от напряжения.

Клинок вонзился точно в грудь Сюэхэ. В ту же секунду печать на его лбу вспыхнула кровавым светом.

Минну не сразу понял, что произошло. В груди разлилась глухая, разрывающая плоть боль. Опустив взгляд, он увидел, что его собственная темная одежда быстро пропитывается расширяющимся алым пятном.

Боль была неопишуемой. Она пришла мгновенно, лишая разума.

Шпажка танхулу выпала из ослабевших пальцев. За свою жизнь Минну перенес неисчислимое множество ран, но все они померкли перед этой агонией. Грудь словно разорвало изнутри раскаленным железом. Зайдясь в сухом кашле, он выплеснул на пол струю темной крови.

Бинты на его запястье мгновенно намокли. Из горла не могло вырваться ни звука — его сердце только что было пробито невидимым мечом сочувствия. Перед глазами вихрем пронеслись воспоминания прошлых лет.

В тринадцать лет Цзянь Сюэхэ подхватил смертельную лихорадку — и Минну едва не отправился на тот свет вместо него, навсегда оставшись хилым и немощным.

В четырнадцать лет Сюэхэ бросился в огонь спасать людей — и жуткие ожоги покрыли лицо Минну, лишив его человеческого облика.

Той же зимой Сюэхэ оступился на горных кручах и сломал ногу — и Минну две недели кричал

от боли, не в силах подняться с постели.

В пятнадцать, во время праздника фонарей, Сюэхэ преследовал лазутчика и получил удар в спину — и на лопатках Минну до сих пор белел уродливый рваный рубец.

В шестнадцать Сюэхэ вошел во врата ордена Фугуан. За три года его сила возросла многократно, но каждый его шаг на пути совершенствования был оплачен муками Минну. Пока гений тренировался день и ночь, Минну не снимал бинтов, принимая на себя все последствия его ошибок и ран.

Теперь Сюэхэ исполнилось девятнадцать. Он стал прославленным мастером меча, получал раны гораздо реже, но каждая из них заживала на теле его безгласного слуги неделями.

Его старший брат, недостижимый небожитель Цзянь Сюэхэ, блистал в лучах славы. Но за все эти годы он ни разу не подошел к Минну, чтобы спросить о его самочувствии, ни разу не проявил капли тепла.

Для Сюэхэ он был не человеком, а удобным громоотводом. Бездушной куклой, обязанной безропотно принимать чужую боль.

Минну захлебывался кровью. Ослабевшие пальцы соскользнули со шпажки сладкого боярышника. Сквозь алую пелену перед глазами он видел лишь одну фигуру, которая могла его спасти.

Он пришел в этот орден только ради Сюэхэ. Беззащитный, лишенный духовных сил калека, он был здесь легкой добычей. Обычные порезы можно было вылечить мазями, но пробитое сердце означало верную смерть.

— Брат... Хэ... — прошептал он губами, лишенными цвета.

Его уродливое, покрытое рубцами лицо сейчас выглядело совсем мертвенно-бледным. В расширенных влажных глазах застыл молящий ужас зверька, попавшего в капкан.

Этот тихий призыв забрал последние крохи его сил. На губах вскипела кровавая пена, очертания комнаты начали таять.

Но Сюэхэ, чей великолепный силуэт занимал все его угасающее зрение, даже не вздрогнул.

Юноша в алом плаще был слишком прекрасен, чтобы кто-то посмел винить его в жестокости. С самого детства, когда Минну впервые принял на себя его недуг, очнувшийся Сюэхэ даже не вспомнил о нем.

Он был подобен вечному леднику на вершине божественной горы — прекрасный, неприступный и несущий лишь гибель тем, кто пытался к нему приблизиться.

Алый силуэт Сюэхэ на мгновение замер. На его лице отразилось мимолетное недовольство, фениксовые глаза нахмурились, бросив на Минну колючий взгляд, который ранил больше любого клинка.

Минну затаил дыхание. И в то же мгновение его надежда рухнула в бездну.

Даже не удостоив слугу словом, Цзянь Сюэхэ сорвался с места и исчез, устремившись в погоню за отступающим врагом.

— Старший брат Цзянь бросился в погоню! Что нам делать?

— Этот парень... кажется, он серьезно ранен. Оставим его?

— Быстрее за Сюэхэ! Пусть один останется и оттащит калеку к лекарям!

Тело Минну сковал могильный холод. Воздуха критически не хватало, кровь застывала в жилах.

Голоса адептов отдалились, а затем и вовсе смолкли — они бросились следом за своим кумиром. Минну остался один. Его пальцы бессильно скребли грязный пол, а взгляд застыл на пустом дверном проеме, куда ушел Сюэхэ.

Этот человек... Сюэхэ, который даже не соизволил обернуться. Сюэхэ, выбросивший его, точно ненужное тряпье.

Сознание угасало, но вместе с невыносимой болью в груди, заставившей занять все его старые шрамы, в душе Минну поднялась волна яростной, темной обиды.

В ушах звенело. Не выдержав этого внутреннего пожара, он содрогнулся всем телом и выплюнул последнюю струю темной крови, которая окропила серые доски пола багровыми брызгами.

Спустя несколько минут присланный лекарь опустил перед юношей на колени. Он приложил пальцы к его шее, а затем лишь тяжело вздохнул и покачал головой.

— Слишком поздно... Он мертв.

Изуродованный юноша лежал на боку, безжизненно уставившись на пустой порог. Из его застывших пальцев выкатилась раздавленная шпажка сладкого боярышника, а в груди, прямо напротив сердца, зияла невидимая, но смертельная пустота.

<http://bllate.org/book/20439/2105811>